

Религіозно-філософська

БІБЛІОТЕКА

Выпускъ XXVI.

Нравствєхныя условія

Богопознанія.

ПЕЧАТНІА А.И. СНЕГИРЕВОЙ МОСКВА.

1911.

8182

*Кому, о Господи, доступны
Твои Сіонски высоты?
Тому, чьи мысли неподкупны,
Чьи цѣломудренны мечты:
Кто дѣлъ своихъ цѣною злата
Не взвѣшивалъ, не продавалъ,
Не ухищрялся противъ брата
И на врага не клеветалъ,
Но вѣрой въ Бога укрѣплялся,
Ему со страхомъ поклонялся,
Съ любовью плакалъ передъ Нимъ.*

Подражаніе псалму 14. *Языковъ.*

Нравственныя условія Богопознанія.

I.

Умъ безсилекъ самъ по себѣ прійти къ истинѣ и познать Бога.

Въ послѣднее время во всѣхъ образованныхъ странахъ, гдѣ пустило корни невѣріе, замѣчается исканіе вѣры. Религіозными вопросами начинаютъ интересоваться все болѣе и болѣе. О нихъ стали говорить въ тѣхъ кружкахъ, въ которыхъ прежде со словомъ „религія“ соединялось представленіе о невѣжествѣ и грубомъ суевѣріи.

Что-же получается въ результатѣ? Многіе ли находятъ то, чего ищутъ? Многіе ли приходятъ къ свѣту Божественной истины? Едва ли кто на эти вопросы рѣшится отвѣтить утвердительно. Наблюденіе показываетъ, что

современное исканіе вѣры многихъ приводитъ не къ свѣту Христовой истины, а ко тьмѣ древняго язычества или къ такому пониманію христіанства, при которомъ послѣднее оказывается совершенно незнаваемымъ.

Гдѣ же причина этой безплодности исканій вѣры? Причина въ ложномъ взглядѣ на христіанство и въ ложности пути и средствъ, которыми ищутъ вѣры. Коренная ошибка современныхъ искателей вѣры въ томъ, что они на религію смотрятъ, какъ на науку, на христіанство, какъ на своего рода философію, а на разумъ, какъ на единственное средство къ возвращенію утраченной вѣры. Почитая христіанство системою знанія, повѣйшіе „богословы“ обращаются съ нимъ, какъ со всякаго рода знаніемъ: сначала рѣшаютъ, что согласно со взглядами и сужденіями ихъ разума, и что несогласно; первое признаютъ, второе отвергаютъ; что понимаютъ, то признаютъ; чего не разумѣютъ, то отрицаютъ.

Путь умственныхъ изысканій, обыкновенно употребляемый современными искателями вѣры, для этой цѣли оказывается непригоднымъ и свидѣтельствуетъ только о непониманіи природы ума. Что такое умъ? Это формальная способность составлять представленія, понятія, сужденія и умозаключенія. Для своей

дѣятельности онъ всегда нуждается въ матеріалѣ, доставляемомъ внѣшними чувствами или чувствомъ внутреннимъ. Никакія усилія ума не дадутъ слѣпому отъ рожденія понятія о цвѣтахъ, глухому — о звукахъ, утратившему обоняніе — о запахахъ и т. д. Кто самъ не испыталъ чувствъ любви, дружбы, ревности, честолюбія, зависти — тому не объяснить ихъ никакіе психологи. Кто цѣнитъ и знаетъ только грубыя чувственныя удовольствія, для того непонятны подвиги самоотреченія и самоотверженія, вытекающіе изъ стремленія къ добру и совершенству, къ духовнымъ радостямъ мирной и чистой совѣсти. Прекрасно, чисто въ христіанскомъ духѣ, разсуждаетъ *Н. В. Гоголь*: „умъ не есть высшая въ насъ способность. Его должность не больше, какъ полицейская: онъ можетъ только привести въ порядокъ и разставить по мѣстамъ все то, что у насъ уже есть. Онъ самъ не двинется впередъ, покуда не двинутся въ насъ двѣ другія способности¹⁾), отъ которыхъ онъ умнѣетъ. Отвлеченными чтеніями, размышленіями и безпрестанными слушаніями всѣхъ курсовъ наукъ его заставишь только слишкомъ немного уйти впередъ; иногда это даже по-

1) Т. е. воля и чувство.

давляетъ его, мѣшая его самобытному развитію. Онъ несравненно въ бѣльшей зависимости находится отъ душевныхъ состояній: какъ только забушуетъ страсть, онъ уже вдругъ поступаетъ слѣпо и глупо; если же покойна душа, и не кипитъ никакая страсть, онъ и самъ проясняется и поступаетъ умно... Умъ идетъ впередъ, когда идутъ впередъ всѣ нравственныя силы въ человѣкѣ, и стоитъ безъ движенія и даже идетъ назадъ, когда не возвышаются нравственныя силы“. Разумъ вообще безсиленъ самъ по себѣ найти истину, будучи не источникомъ истины, а только формальнымъ критеріемъ ея. „Разумъ“, справедливо говоритъ *Бэйль*. „можетъ только разрушать, но не созидать, только вскрывать заблужденія, но не находить истины, отыскивать доводы за и противъ, возбуждать споръ и сомнѣніе, но не можетъ дать увѣренности. Разумъ нашъ, самъ по себѣ, способенъ только все запутывать, все подвергать сомнѣнію. Не создалъ онъ еще ни одного произведенія, къ разрушенію котораго не указалъ бы самъ же путей и средствъ. Это по-истинѣ Пенелопя, которая ночью распускала ткань, сдѣланную ею въ продолженіе дня“. Умъ, самъ по себѣ, съ одинаковымъ успѣхомъ можетъ служить и истинѣ, и лжи, и признавать,

и отрицать. До какой виртуозности и изворотливости онъ можетъ быть доведенъ, это особенно хорошо видно изъ примѣра древнихъ софистовъ, которые могли на одинъ и тотъ же вопросъ отвѣчать: и *да*, и *нѣтъ*, бѣлое представлять чернымъ, черное — бѣлымъ, добро — зломъ, зло — добромъ. То и другое направление онъ получаетъ отъ сердца, отъ котораго, по слову Спасителя, *исходятъ помышленія* (Мт. XV, 19). Кто не имѣетъ Бога въ сердцѣ, во внутреннемъ чувствѣ, тотъ не увидитъ Его ни во внѣшней природѣ, ни въ историческихъ судьбахъ человѣчества, ни въ своей собственной жизни. Извѣстный естествоиспытатель *Ланкасъ* на вопросъ: „признаетъ ли онъ Бога?“ — отвѣчалъ: „Я при помощи телескопа осмотрѣлъ все небо, но нигдѣ не замѣтилъ Бога“. *Линней* же, тоже знаменитый естествовѣдъ, въ каждый травкѣ и былинкѣ видѣлъ слѣды премудрости и благодати Божіей. Гдѣ причина такого различія во взглядахъ на природу? Не въ умѣ, не въ количествѣ свѣдѣній о природѣ, а въ сердцѣ, во внутреннемъ чувствѣ. Видитъ Бога въ природѣ тотъ, кто имѣетъ здоровое внутреннее око, т. е. чистое сердце. Природа, несомнѣнно, представляетъ намъ слѣды могущества и премудрости Творца, но чтобы вполне правильно и ясно

читать и понимать это откровеніе, для этого, по словамъ одного серьезнаго русскаго мыслителя, *В. І. Кудрявцева*, нуженъ ключъ разумѣнія, хранящійся въ глубинѣ челоуѣческаго дѣха, въ его идеяхъ истиннаго, разумнаго и прекраснаго; безъ нихъ природа представляется намъ мертвымъ, бездушнымъ механизмомъ; наивысшее и самое твердое ручательство въ существованіи міра сверхъестественнаго мы находимъ въ насъ самихъ—въ области дѣха и, только исходя изъ этой области, можемъ открывать и понимать откровенія духовныхъ качествъ и свойствъ въ природѣ внѣшней“. „Природа,—по прекрасному сравненію извѣстнаго апологета христіанства, Лютардта,—есть какъ бы писаніе, состоящее изъ однихъ согласныхъ буквъ. Чтобы имѣть возможность читать это писаніе, мы должны сами привнести въ него гласныя“. Равнымъ образомъ, только внутренняя сердечная увѣренность заставляетъ видѣть Бога въ историческихъ судьбахъ челоуѣчества и въ частныхъ случаяхъ жизни отдѣльныхъ людей. Въ противномъ случаѣ уму все въ жизни представляется дѣломъ случая, непонятною игрою какой-то слѣпой, неразумной судьбы, безсмысленнымъ сплетеніемъ челоуѣческихъ стремленій и дѣйствій.

II.

Зависимость ума отъ чувства и воли.

Индивидуумъ неизбѣжно вноситъ въ каждый актъ познанія свою личность въ такой или иной мѣрѣ, такъ что всякое специальное воспріятіе предварительно должно проходить, такъ сказать, чрезъ призму личности и въ ней получать свою окончательную опредѣленность. Именно по этому самому одинъ и тотъ же предметъ, какъ свидѣтельствуеть опытъ, воспринимается и познается различно не только разными лицами, но однимъ и тѣмъ же лицомъ въ различныхъ условіяхъ, въ зависимости отъ настроеній мысли и чувства субъекта, состояній его души. Когда чувство вторгается въ познаніе, то мышленіе становится послушнымъ орудіемъ чувства, средствомъ его, а не истины: чувство въ мышленіи ищетъ только своего оправданія. Въ этомъ случаѣ „въ сознаніи являются только такія представленія, которыя отвѣчаютъ данному чувствованію по своему характеру, всѣ же другія представленія не допускаются, изгоняются“: такъ, любовь идеализируетъ свой предметъ, злоба заставляеть видѣть во врагѣ одно только дурное, отчаяніе и горестъ окрашиваютъ все

въ мрачныя, а радость—въ розовыя цвѣта и т. п. Конечно, не въ обыденномъ только мышленіи заявляетъ о себѣ чувство, но и въ научномъ: критика, исторія, философія служатъ обширною ареною, гдѣ дѣйствуютъ личныя пристрастія, симпатіи и антипатіи людей. „Кто предается“, говоритъ *Платонъ*, „чувственнымъ удовольствіямъ и гнѣву, тотъ будетъ имѣть только смертныя мысли“. По словамъ *Аристотеля*, „всякое заблужденіе, особенно въ вопросахъ религіозныхъ и нравственныхъ, имѣетъ основаніе въ свободной волѣ чловѣка, въ чемъ мы непосредственно или посредственно должны считать себя виновными“. „Кто какую избираетъ философію“, — говоритъ *Фихте Старшій*. — „зависятъ отъ того, что онъ за чловѣкъ“, ибо философская система не есть домашняя утварь, которую можно бросать или брать по произволу, — нѣтъ, она оживотворяется душою того чловѣка, который обладаетъ ею. Характеръ, отъ природы вялый или ослабленный и изломанный вслѣдствіе духовнаго рабства, ученой роскоши и суетности, никогда, — прибавляетъ *Фихте*, — не возвысится до идеализма“¹⁾. Съ основною мыслью *Фихте* согласенъ и *Паули-*

¹⁾ Werke I. B. S. 434.

сенъ. Онъ полагаетъ, „что рѣшеніе въ пользу того или другого изъ этихъ противоположныхъ міросозерцаній находится въ нѣкоторой связи съ направлениемъ воли и образомъ жизни человѣка. У человѣка, жизнь котораго сама имѣетъ идейное содержаніе, будетъ естественная склонность къ идеалистическому міровоззрѣнію; у человѣка же, жизнь котораго пуста и ничтожна,—къ противоположному, ибо рѣшающимъ фактомъ является, конечно, не міросозерцаніе, а направленіе воли. — Выборъ философіи,— очень вѣрно говоритъ Фихте,— зависитъ отъ того, каковъ человѣкъ“¹⁾. „Наши идеи“, читаемъ мы у *Лено*, „гармонируютъ съ аффективными состояніями и вибрируютъ въ одинъ тонъ съ ними; онѣ заимствуютъ у нихъ силу и звучность или не находятъ отголоска и остаются въ памяти изолированными и безсильными. Сила и слабость идеи создается нами, всей нашей личностью“. „Мы питаемъ“, говоритъ тотъ же авторъ, „величайшую симпатію къ резонамъ, которые намъ по вкусу, принимаемъ ихъ дружески, посимся съ ними, и такимъ образомъ обезпечиваемъ для нихъ почетное мѣсто въ нашей

1) Паульсенъ. Ф. „Основы этики“. Пер. съ нѣм. Стр. 481—2.

памяти. Неприятные резоны мы выслушиваемъ неохотно, стараемся пропустить ихъ мимо ушей и легко забываемъ о нихъ; такимъ путемъ наше сужденіе опять-таки искажается“.

„Главное употребленіе изъ нашей любви къ истинѣ заключается въ томъ, что мы убѣждаемъ себя, будто нравящееся намъ и есть въ то же время истинное“. Въ нашей такъ называемой любви къ истинѣ много лицемѣрія: „извѣстные чувства оскорбляютъ насъ въ большинствѣ случаевъ потому, что они противны нашимъ ощущеніямъ, а не потому, что они противны истинѣ“. Изъ русскихъ мыслителей ту же въ сущности мысль раскрываетъ *И. И. Тинницкій* въ „Идеализмъ и реализмъ“. Онъ находитъ что нельзя „разсматривать эти направленія исключительно съ точки зрѣнія теоретической, просто какъ опыты чисто умственного построенія извѣстныхъ предположеній и выводовъ; напротивъ — какъ въ томъ, такъ и въ другомъ направленіи слѣдуетъ видѣть притомъ выраженіе извѣстнаго образа или характера духовной жизни, будетъ-ли это жизнь отдѣльнаго лица, или же цѣлой исторической эпохи, или, наконецъ, извѣстнаго историческаго народа, смотря по тому, въ какомъ объемѣ разсматриваются проявленія философской мысли. Можно напередъ предположить,

не боясь впасть въ грубую ошибку, на основаніи сказаннаго, что идеализмъ служитъ признакомъ или обнаруженіемъ духовной самодѣтельности, стремленія къ свободѣ и независимости духа, вообще признакомъ преобладанія въ жизни высшихъ духовныхъ стремленій: наоборотъ, реализмъ, въ обширномъ смыслѣ этого слова, слѣдуетъ считать признакомъ нѣкотораго упадка или, по крайней мѣрѣ, ослабленія энергіи чисто духовныхъ, высшихъ интересовъ и преобладанія склонности къ пассивному наслажденію жизнию, хотя бы такая склонность соединялась съ расширеніемъ практической дѣятельности, которая при этомъ всегда направляется на осуществленіе ближайшихъ жизненныхъ задачъ“¹⁾.—Въ полномъ согласіи съ этими положеніями стоятъ сужденія по тому же предмету извѣстнаго богослова-подвижника, *еп. Теофана*. Вотъ что онъ пишетъ: „Сердце справедливо почитается корнемъ существа человѣческаго, фокусомъ всѣхъ его силъ духовныхъ“. „Значеніе его въ экономіи нашей жизни не то только, чтобъ страдательно стоять подъ впечатлѣніями и свидѣтельствовать объ удовлетворительномъ или неудовлетворитель-

¹⁾ „Идеализмъ и реализмъ“, стр. 1—2.

номъ состояніи нашемъ, но и то — чтобы поддерживать энергію всѣхъ силъ души и тѣла. Смотрите, какъ спѣшно дѣлается дѣло, которое нравится, къ которому лежитъ сердце... Ревность, движущая сила воли, — изъ сердца исходитъ“. Потому то и наблюдается въ жизни, что „когда человѣкъ въ чувствѣ, тогда онъ весь сковывается тѣмъ чувствомъ, и готовъ и силенъ бываетъ безпрекословно дѣлать все, къ чему побуждаетъ то чувство. Чувство переходитъ на рычагъ и руль въ управленіи своимъ внутреннимъ“.

Великій знатокъ души человѣческой *О. М. Достоевскій*, будучи еще юношей, писалъ своему брату, что нашъ умъ есть способность матеріальная, и что душа не имъ собственно живетъ, а тою мыслию, которую нашентываетъ ей сердце.

Владычественность, даже царственность, чувствованій въ жизни людей отмѣчаль еще *св. Макарій Египетскій*. Стоить, по его воззрѣнію, благодати Божіей овладѣть пожитиями сердца, какъ она начнетъ царить надъ всѣми членами и помыслами, такъ какъ въ сердцѣ и умъ, и помыслы, и чаянія души. „Само сердце“, говоритъ святой подвижникъ, — „малый сосудъ, но тамъ есть змін, тамъ есть львы, тамъ есть ядоносные звѣри,

тамъ всѣ сокровища порока, тамъ пути не-
гладкіе и стропотные, тамъ пропасти; но тамъ
также и Богъ, тамъ ангелы, тамъ жизнь и
царство, тамъ свѣтъ и апостолы, тамъ со-
кровище благодати, тамъ есть все“. Вотъ
какъ изображаетъ широту захвата жизни
сердцемъ челоѣка великій христіанскій
аскетъ.

Современная психологическая наука, хотя
въ другихъ словахъ, но выражаетъ тѣже
мысли.

Раскрывая значеніе чувствованій *Gefühlung*,
напр., приписываетъ имъ рѣшающій голосъ
при выясненіи самыхъ основныхъ, такъ ска-
зать—роковыхъ, жизненныхъ проблемъ. „По-
слѣдніе вопросы въ области жизни“, пишетъ
онъ, „вопросы о цѣнности и значеніи дѣй-
ствительности и жизни, рѣшаются въ концѣ
концовъ по голосу чувствъ. Въ настоящее
время это особенно ясно выступаетъ въ
томъ великомъ значеніи, которое получила
противоположность между оптимистическимъ
и пессимистическимъ міровоззрѣніемъ“. Даже
въ мелочахъ, самыхъ обыденныхъ состояні-
яхъ, окраска чувства играетъ первую роль.
„Какъ одинъ и тотъ же ландшафтъ кажется
различнымъ, смотря потому, откуда падаетъ
на него свѣтъ, такъ одни и тѣ же предметы

и событія кажутся намъ совершенно различными, смотря по тому, въ какомъ мы настроеніи“.

Почти буквально то же самое утверждаетъ и *Поль Бурже*, когда пишетъ, что „задача о значеніи міра и жизни прежде всего есть задача чувства, рѣшеніе которой слѣдуетъ искать въ чувствѣ же“... А потому и „пессимизмъ“, по его словамъ, „исходитъ скорѣе изъ сердца, чѣмъ изъ разсудка, ему не свойственъ абсолютный характеръ рациональныхъ рѣшеній“.

Ученый психологъ *Тоид*, въ своемъ сочиненіи „Воспитаніе чувствъ“ утверждаетъ, что „лишь согрѣвающая энергія сердца способна соединить насъ тонкими и въ то же время неразрывными узами и съ нашими ближними, и съ природой, и съ идеаломъ, притягивающимъ къ себѣ всѣхъ. Роль чувства здѣсь по-истинѣ громаднa“.

„Оно, по словамъ *Гюйо*, есть самый сложный продуктъ индивидуальнаго организма и вмѣстѣ то, что менѣе всего умираетъ въ этомъ организмѣ; это — самая глубокая формула живой дѣйствительности..., такъ что первое, что надо спасать въ жизни, это свое собственное сердце“ ¹⁾.

¹⁾ Гюйо. „Искусство съ точки зрѣнія социологін“. (Стр. 56, 63 и 48).

„Самая глубокая часть нашей природы, говорить *Джемс* ¹⁾, это — та безмолвная область сердца, гдѣ мы оставлены одни съ нашей склонностью и несклонностью, вѣрою и страхомъ. Но какъ въ глубинѣ пропастей и пещеръ изъ нѣдръ земли пробиваются освѣжительные ключи, такъ и въ этомъ гробовомъ мракѣ личной субъективности находится источникъ всѣхъ нашихъ виѣшнихъ поступковъ и рѣшеній. Въ этомъ нашъ тайный органъ для общенія съ природой вещей“.

Во всякомъ случаѣ то, что называется убѣжденіемъ, имѣетъ свое основаніе въ сердцѣ, а не въ разумѣ, независимо отъ того, истинно оно или нѣтъ. Что такое убѣжденіе? Это—мысль, излюбленная и прочувствованная, глубоко проникнувшая въ самую душу и сдѣлавшаяся ея живою силою въ отличіе отъ разсудочнаго знанія: послѣднее не затрогиваетъ ни чувства, ни воли, ни воображенія; и можетъ оставаться въ душѣ мертвымъ капиталомъ, не возбуждая силъ ея. Вообще, чѣмъ менѣе мышленіе затрогиваетъ наше чувство, тѣмъ менѣе оно для насъ достовѣрно, и наоборотъ—чѣмъ болѣе оно приближается къ ощущенію, чувству,

¹⁾ Джемсъ. „Стоить-ли жить?“

тѣмъ болѣе выигрываетъ въ живости и внутренней убѣдительности; что наиболѣе отвѣчаетъ нашимъ желаніямъ и возбуждаетъ чувство, то наиболѣе получаетъ значеніе истины въ нашихъ глазахъ: мы не любимъ вѣрить въ то, чего не хотимъ, что противно нашему чувству... Съ другой стороны, убѣдительность или достовѣрность истины обусловливается *живостью и ясностью* познанія ея. Но разсудочное знаніе какъ разъ именно страдаетъ недостаткомъ живости, ясности.

Разсудокъ не приближаетъ насъ къ конкретной дѣйствительности, а удаляетъ отъ нея,—въ этомъ общее его отличіе отъ чувственности, отъ непосредственнаго знанія вещи, какъ она открывается чувству. Мыслить вещь—не то же, что чувствовать, переживать ее. Въ первомъ случаѣ она противостоитъ намъ, какъ нѣчто внѣшнее намъ, а во второмъ — она входитъ въ насъ, какъ часть нашей жизни. Оттого только въ чувствѣ воспринимается вещь во всей цѣлости и конкретной полнотѣ своей дѣйствительности, а не въ разсудкѣ: чувство даетъ самую вещь, а разсудокъ ея копію, тѣнь. Чувство—синтетическій актъ познанія, разсудокъ—аналитическій, представляющій намъ дѣйствительность не въ подлинной цѣльности, какая

воспринимается чувствомъ, а въ обломкахъ и частяхъ или развалинахъ всесокрушающаго анализа.

Итакъ, мы невольно приходимъ къ выводу, кратко, по сильно выраженному еще въ ветхозавѣтномъ Писаніи: „храни сердце твое, потому что изъ него источники жизни“ (Притч. IV, 23).

Еще важнѣе и серьезнѣе отношеніе воли къ познанію по свосму вліянію на послѣднее, — тѣмъ болѣе, что воля почти всегда опирается на чувство и соединяется съ нимъ, (Мы хотимъ того, что намъ нравится, и намъ нравится то, чего мы хотимъ). На языкѣ разговорномъ это сліяніе воли съ чувствомъ въ одно цѣлое имѣетъ для себя выраженіе въ особомъ словѣ — *сердце*. Сердце и есть именно область воли и чувства. —

Воля приводитъ въ дѣйствіе способность мышленія, направляетъ ее на опредѣленный предметъ и на извѣстныя, опредѣленныя стороны въ предметъ, поддерживаетъ ее въ извѣстномъ напряженіи, гдѣ надо — усиливаетъ, гдѣ надо — ослабляетъ, или же совсѣмъ приостанавливаетъ дѣйствіе мышленія; однимъ словомъ, управляетъ мышленіемъ, опредѣляя для него предметъ или содержаніе, и его направленіе и характеръ. Волею въ такой

или иной мѣрѣ намѣчается или предопредѣляется результатъ или конечная цѣль мышленія. „De facto“, говоритъ проф. *Владиславъ*. „въ рѣдкихъ случаяхъ люди спокойно ждутъ, какой выводъ получится изъ послылокъ. Обыкновенно, выводъ заранѣе опредѣленъ, субъектъ желаетъ такого, а не иного заключенія, и употребляетъ все логическія усилія, чтобы прійти именно къ нему. Не потому люди приходятъ къ извѣстнымъ заключеніямъ, что ихъ принуждаютъ къ тому послылки, отъ которыхъ они отправились, а потому избираютъ послылки такого, а не другого характера, что имъ нужно дойти до излюбленныхъ заключеній“.

Прекрасно изображаетъ господствующую роль воли въ познаніи *Паульсенъ*, когда пишетъ: „міръ представленій получаетъ возбужденіе и направленіе всецѣло отъ воли; въ сознаніе проникаетъ только, или главнымъ образомъ, то, что стоитъ въ дружественномъ или враждебномъ отношеніи къ нашимъ цѣлямъ и задачамъ. Воля господствуетъ надъ памятью: мы забываемъ то, что насъ болѣе не касается; мы удерживаемъ то, что представляетъ для воли продолжительную важность. Воля господствуетъ надъ ходомъ представленій: мы думаемъ о томъ, что намъ мило и дорого

или ненавистно и опасно. Воля постоянно влияет на сужденіе, она опредѣляетъ вѣсъ и значеніе вещей и явленій, основаній и доказательствъ; въ дѣлахъ практическихъ это ясно само собою: разъ интересъ или склонность рѣшили, тотчасъ же находятся основанія, оправдывающія это рѣшеніе. Но воля постоянно вмѣшивается и въ теоретическія сужденія. Подумайте о пониманіи исторіи: нѣтъ ни одного выдающагося событія, о которомъ не было бы столько же мнѣній и представленій, сколько партій, занятыхъ имъ. Возьмите исторію реформаціи или французской революціи; даже Цезарь и Перикль подлежатъ еще этому закону. Отсюда ясно, какое рѣшающее вліяніе оказываетъ воля при построеніи всего міросозерцанія; можно сказать: она есть строитель, намѣчающій видъ и стиль, разсудокъ же играетъ роль архитектора-выполнителя“.

Такимъ образомъ не разсудокъ, а воля служитъ послѣднимъ основаніемъ нашихъ убѣжденій... То или иное мнѣніе мы принимаемъ не въ силу его логической необходимости или убѣдительности, а въ силу того, что оно удовлетворяетъ нашимъ склонностямъ, привычкамъ, характеру и т. д., словомъ — находится въ соотвѣтствіи съ нашею личностью.

„Воля“, совершенно справедливо говорить *Паскаль*, „есть одинъ изъ главныхъ органовъ вѣрованія, не потому, что она составляетъ вѣрованіе, а потому, что предметы представляются намъ въ истинномъ и ложномъ видѣ, смотря по тому, съ какой стороны мы на нихъ смотримъ. Воля, которой нравится больше одна, чѣмъ другая сторона, отклоняетъ разумъ отъ разсмотрѣнія качествъ той стороны, которая ей не любя, и такимъ образомъ разумъ, идя объ руку съ волею, останавливается на разсмотрѣніи любимой волею стороны и, составляя понятія и сужденія о предметѣ на основаніи того, что видитъ въ показанной сторонѣ его, нечувствительно принаравливаетъ свое убѣжденіе къ склонностямъ воли“.

„Наиболѣе глубокиа“, говоритъ *Паульсенъ*, „и рѣшающія дѣло побужденія—міросозерцаніе получаютъ не изъ разсудка, — они исходятъ изъ волевой стороны, изъ практическаго разума... Подобно тому, какъ улитка строитъ себѣ раковину, приходящуюся къ ея тѣлу, такъ и воля строитъ себѣ міровозрѣніе, отправляясь изъ котораго она смотритъ на вещи и дѣйствуетъ на нихъ“.

Положеніе о субъективномъ характерѣ познанія у Паульсена доказывается ссылками

на факты. Прежде всего фактическія подтвержденія его дасть въ изобиліи философія. Вопреки обычному взгляду на философію, какъ на чистый продуктъ строгаго мышленія, Паульсенъ представляетъ ее скорѣе дѣломъ сердца. „Всякая философія“, говоритъ онъ, „въ концѣ концовъ сводится къ тому, чтобы внести смыслъ въ вещи, или, скорѣе, показать смыслъ, существующій въ вещахъ. Смыслъ же этотъ въ своемъ послѣднемъ основаніи всегда есть дѣло не знанія, а воли, вѣры“.

Такимъ образомъ человѣкъ и въ познавательномъ процессѣ остается живою человеческою личностью, не только мыслящею, но въ то же время чувствующею и желающею. Онъ никогда не бываетъ простою логическою или мыслительною машиною, несмотря иногда на всѣ старанія его подняться на высоту такъ называемаго „чистаго“, „холоднаго“, или „объективнаго“ мышленія“.

III.

Пониманіе дается любовью.

„Въ чемъ состоитъ истинная цѣль знанія? „Цѣль знанія—достигнуть пониманія предмета при помощи мышленія“, говоритъ проф.

Гудрявцевъ. Понимать же не значить только: различныя представленія, ничѣмъ не связанныя, и разрозненные признаки вещи связывать въ цѣлое. Надъ этимъ виѣшнимъ знаніемъ, ступеню выше, стоитъ внутреннее, болѣе глубокое познаніе вещи, когда сознаніе проникаетъ, такъ сказать, во внутренность предмета, въ его сущность, и усматриваетъ отсюда внутреннюю необходимость данныхъ свойствъ предмета и данной ихъ связи.} Это внутреннее, полное познаніе вещи и есть *пониманіе, разумьніе*; всякое же другое нашъ языкъ отличаетъ отъ такого познанія другимъ, общимъ наименованіемъ — *знанія*. *Знать* и *понимать*—это двѣ стороны въ процессѣ познанія, соединеніемъ которыхъ достигается полнота и совершенство въ немъ. Понимать вещь значить знать, что она нужна, необходима и притомъ—для чего именно. Постигать поэтому истину—значить ставить ее въ отношеніе къ какимъ-либо нашимъ потребностямъ, желаніямъ, стремленіямъ, и если не обрѣтается такого соотвѣтствія между данною истиною и нашими идеалами, стремленіями, нашимъ характеромъ и личностью, то не является и пониманія ея. Мы понимаемъ то, что любимъ, чего хотимъ, что отвѣчаетъ нашимъ влеченіямъ, и никакая истина

ничего не скажетъ намъ, если не найдетъ отклика въ душѣ. Религіозныя истины всё отвѣчаютъ религіозно-правственнымъ стремленіямъ нашей духовной природы, и ихъ пониманіе возможно только на этой нравственной, практической почвѣ. На этой почвѣ самыя непостижимыя догматы христіанства постижимы (напр., о св. Троицѣ, Искупленіи, Воплощеніи). Разсудокъ, по самой природѣ своей, не можетъ вводить насъ во внутреннюю сущность и основу вещей; его дѣло—*знать*, совершенно безразлично относясь къ вопросу о качественномъ достоинствѣ мыслимаго содержанія, его субъективной (для насъ) цѣнности. Принимая даваемое ему или въ опытѣ, или чрезъ вѣру (откровеніемъ) знаніе, содержаніе, разсудокъ часто поступаетъ, какъ невѣжественный букинистъ, обращающій вниманіе при оцѣнкѣ книги только на ея переплетъ, объемъ, свѣжестъ и т. п., и бросающій хорошую книгу. Естественно, что разсудокъ можетъ отвергать и истины христіанства, какъ ему противорѣчащія, руководствуясь только своею мѣркою; ему здѣсь доступна только логическая сторона истинъ. Но по самому существу своему здѣсь истины не могутъ имѣть адекватнаго своего выраженія въ ограниченныхъ и узкихъ схемахъ

или формахъ ограниченной человѣческой логики. Роль рѣшительнаго судьи тутъ не по плечу разсудку: онъ здѣсь долженъ уступить свое мѣсто чувству, сердцу, которымъ открыты внутренній смыслъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ полное, истинное пониманіе вещей. Въ полномъ смыслѣ мы знаемъ и понимаемъ только тогда, когда чувствуемъ, т. е. когда предметъ знанія затрогиваетъ, какой-либо изъ нашихъ живыхъ интересовъ. По опыту—каждому, вѣроятно, извѣстно, какъ любовь къ какому-нибудь человѣку повышаетъ наше пониманіе всего, что къ нему относится, и его самого; какъ съ ослабленіемъ любви опять понижается это пониманіе, дѣлаясь однимъ только внѣшнимъ знаніемъ. Между этими видами знаній великая разница: я вижу голоднаго, просящаго у меня на хлѣбъ, и *знаю*, что онъ голоденъ, но онъ не пробуждаетъ во мнѣ живого сочувствія къ себѣ... Но какая разница между этимъ мнимымъ знаніемъ—и знаніемъ въ томъ случаѣ, когда я сочувствую нищему! Только тогда я дѣйствительно *понимаю* его. Всѣ мы знаемъ, что люди смертны, и однако вполнѣ мы начинаемъ это знать только тогда, когда смерть подкрадывается къ намъ самимъ или похищаетъ дорогихъ и близкихъ намъ людей,—

тогда-то мы начинаемъ понимать, что значить умереть!

Правда, въ низшихъ областяхъ знанія для пониманія вещи иногда достаточно бываетъ знать ея цѣль, но чѣмъ выше мы поднимаемся по лѣстницѣ знанія, тѣмъ нужнѣе становится намъ помощь чувства, пока, наконецъ, не поднимемся въ религіи на ту ступень, гдѣ пониманіе вещи совершенно сливается съ хотѣніемъ ея, гдѣ понимать вещь—значить хотѣть ея... Въ самомъ дѣлѣ, хотѣніе само по себѣ есть уже нѣкотораго рода пониманіе; оно, такъ сказать, актъ сердечной логики, гдѣ сердце принимаетъ что-либо, считаетъ своимъ, признаетъ что-либо истинною, не требуя логическихъ доказательствъ, тогда какъ разсудочная логика приходитъ къ признанію чего-либо за истину лишь путемъ доказательствъ. У сердца нѣтъ доказательствъ. Вотъ почему его пониманіе называютъ безсознательнымъ. Прекрасно изображаетъ дѣло Бѣлинскій, называя сердце „безсознательнымъ разсудкомъ“. Да, сердцу, особенно любви, открывается многое, навѣки недоступное холодному разсудку, совершенно непроницаемое для него. Любовь всегда соединяется съ разумѣніемъ, проникательностью, отличается чуткостью и отзывчивостью къ

явленіямъ дѣйствительности. „Любовь“, говоритъ тотъ же Бѣлинскій, „есть пониманіе, а пониманіе есть любовь, потому что любовь есть присутствіе въ сокровенной сущности любимаго предмета, а присутствіе одного субъекта въ другомъ есть не что иное, какъ пониманіе этого другого субъекта“.

IV.

Необходимость нравственно-добраго настроенія для вѣры въ Бога.

Служа главнымъ основаніемъ живой увѣренности въ бытіи Бога, сердце и воля служатъ необходимымъ условіемъ въ дѣлѣ усвоенія и пониманія всѣхъ откровенныхъ религіозныхъ истинъ. Безъ отношенія къ потребностямъ сердца и воли христіанскія истины никогда не будутъ поняты и оцѣнены. Кто не воспринимаетъ ихъ въ сердце и не осуществляетъ волей, тому не помогутъ никакіе соображенія и доводы ума, никакія ученые изысканія.

„Первое условіе для надлежащаго усвоенія сѣмянъ Божественной истины“, говоритъ *Гратри*, „есть нравственное расположеніе. Къ даннымъ истины, которыя Богъ не перестаетъ сѣять въ нашей душѣ, прежде всего

необходимо прилагать не умъ, а нашу волю; и по слову вѣчнаго Учителя, слову, все еще недостаточно понятому, прежде познанія— истину надлежитъ творить въ себѣ. *Творяй истину грядетъ къ свѣту. Свѣтъ всѣвается въ волю и собирается въ умѣ*“.

„Насколько мы воплощаемъ Божественную жизнь въ себѣ самихъ“, разъясняетъ *проф. А. П. Введенскій*, ¹⁾ „настолько мы познаемъ ее и внѣ себя. Мы познаемъ Бога и увѣряемся въ Его Бытіи своею богоподобною жизнью: *подобное познается подобнымъ*“.

„Мысль“, читаемъ мы у *Прессансе*, „можетъ схватывать лишь формы. Личность ускользаетъ отъ нея. Она обнимаетъ только очертанія, границы, но никогда не достигаетъ ея (личности) истиннаго содержанія. Личность необходимо любить, чтобы познать ее, а это невозможно тамъ, гдѣ нѣтъ нравственной гармоніи субъекта познающаго. Если это справедливо относительно всякой личности вообще, то что же сказать относительно личности абсолютной—абсолютнаго Блага!“

Не вкусившій меда самъ—никогда не узнаетъ его сладости, сколько бы ему ни объясняли.

¹⁾ А. Введенскій. Вѣра въ Бога, ея происхожденіе и основанія. Москва, 1891 г., стр. 394—395.

Дикарь, не видѣвшій ничего, кромѣ своей пустыни, не составитъ яснаго и раздѣльнаго представленія о благоустройствѣ европейскихъ городовъ, объ условіяхъ жизни въ нихъ, при самомъ обстоятельномъ разсказѣ ему. Подобно тому какъ о предметахъ міра видимаго мы тогда только получаемъ ясное и раздѣльное представленіе, когда они подлежатъ нашему опыту и наблюденію, такъ и о предметахъ духовныхъ мы тогда только приобрѣтаемъ ясное понятіе, когда, такъ сказать, осяжемъ ихъ чувствомъ вѣры. Познаніе разума о предметахъ духовныхъ, безъ ощущенія ихъ сердцемъ, подобно знанію по слуху. Оно никогда не исключаетъ возможности сомнѣнія и не можетъ стать прочнымъ убѣжденіемъ. Убѣжденіе только тамъ, гдѣ умъ оживляется и согрѣвается сердцемъ.

„Истина“, читаемъ мы у еп. Теофана,¹⁾ „пока не вошла въ сердце, сѣть то же, что пыль на полированной доскѣ. Повѣть вѣтеръ—и все снесетъ. Истина, принятая сердцемъ, то же, что слей, прошедшій въ кости.“ „Умъ никогда не познаетъ истины, пока сердце не расположено поступать согласно съ истиною, потому что истина служить не только свѣ-

¹⁾ „Пачертаніе христіанскаго вѣроученія“, стр. 338.

томъ для ума, но также закономъ и правиломъ для нашей воли. Мы охотно вѣримъ тому, что любимъ, и сильно желаемъ, чтобы истина была на сторонѣ любимаго. Если истина идетъ вразрѣзъ съ естественными склонностями сердца, то она принимается съ трудомъ; умъ тогда работаетъ въ угоду сердцу и подъ разными предлогами старается уклониться отъ истины. Такъ, подъ предлогомъ сохраненія здоровья удаляются отъ поста и воздержанія, а подъ предлогомъ благосостоянія и нуждъ семейныхъ отказываются отъ благотворенія; въ видѣ праведнаго возмездія берутъ ростъ; отстаивая честь, выходятъ на дуэль... Долговременное нарушеніе нравственнаго закона доводитъ до того, что законъ искажается и въ совѣсти, а на мѣсто его ставится превратное правило. Оттого считаютъ скупость бережливостью, расточительность — щедростью, гнѣвъ — чувствомъ благороднаго негодованія, потворство — снисходительностью, жестокость — ревностью по правдѣ, лесть — гибкостью характера, хитрость — благоразуміемъ, гордость — чувствомъ достоинства“ ¹⁾).

Во всемъ этомъ умъ является послушнымъ

¹⁾ Тамъ же, стр. 262—263.

слугой сердца, исполнять его приговоры и рѣшенія.

Кто доволенъ здѣшнимъ ограниченнымъ міромъ, удовлетворяется земною дѣйствительностью, не чувствуетъ потребности въ другомъ, лучшемъ бытіи, тому непонятна будетъ истина безсмертія и не желательно бытіе другой жизни.

Кто не чувствуетъ всей глубины своего паденія, не сознаетъ своей вины и своего недостойнства передъ Богомъ, тотъ не пойметъ тайны Искупленія и другихъ дѣйствій всепрощающей любви Божіей.

Человѣку, ослѣпленному величіемъ своихъ силъ, не чувствующему слабости и безсилія въ дѣлѣ нравственнаго самоусовершенствованія и не желающему высшей Божественной помощи, непонятна будетъ тайна христіанскаго духовнаго возрожденія.

Человѣкъ всегда понимаетъ то, что самъ переживаетъ, испытываетъ, чувствуетъ.

Живущій въ довольствѣ и роскоши и не испытавшій нужды и горя не пойметъ голоднаго бѣдняка, валяющагося у его ногъ и своими стопами раздирающаго душу у всякаго, кто самъ испыталъ подобное несчастное положеніе.

Невѣрующій или равнодушно относящійся

къ религіи, не испытавшій сладостныхъ чувствъ истиннаго благочестія и молитвы, во всѣхъ подвигахъ истинной религіозности видитъ или заблужденіе, или лицемеріе и ханжество; ему непонятны частыя хожденія въ храмъ, длинныя стоянія, умиленные и трогательныя церковныя пѣнопѣнія.

Распутный человекъ не вѣритъ цѣломудрію строгихъ подвижниковъ; честолюбецъ во всѣхъ дѣйствіяхъ самоотверженныхъ тружениковъ подозрѣваетъ самолюбивыя цѣли.

У.

Ученіе Св. Писанія и свв. Отцевъ о нравственныхъ условіяхъ Богопознанія.

Истинно правильный путь къ вѣрѣ въ Бога и къ уразумѣнію Божественныхъ истинъ есть путь жизненный, практическій, путь религіозно-нравственнаго опыта. Такой именно путь указывается Словомъ Божиимъ.

Св. Писаніе. Псалмопѣвецъ говоритъ: *сказалъ безумецъ въ сердце своемъ: „нѣтъ Бога“.* Они разорались, совершили гнусныя дѣла, нѣтъ дѣлающаго добро. (Пс. XIII, 1). Безумецъ отвергъ бытіе Бога не въ умѣ своемъ, а въ сердцѣ, потому что желанія сердца побуждали его къ разврату и гнуснымъ дѣ-

ламъ, а заповѣдь Божія запрещала это и требовала творить добро. Спаситель общаетъ познаніе Бога не многоученымъ книжникамъ, а людямъ съ чистымъ сердцемъ и святой жизни: *блаженны чистые сердца, ибо они Бога узрятъ (Мо. V, 8).*

Сердце въ дѣлѣ познанія Бога то же, что глазъ въ дѣлѣ познанія предметовъ видимыхъ. Глазъ поврежденный или засоренный неспособенъ видѣть предметы при самомъ лучшемъ освѣщеніи ихъ. И одна пылинка препятствуетъ ему видѣть предметы въ настоящемъ свѣтѣ. Неспособно къ познанію Бога сердце, омраченное грѣхомъ и порочными страстями. *Всякій, дѣлающій злое, невидитъ свѣтъ, и не идетъ къ свѣту, чтобы не обличились дѣла его, потому что они злы. А поступающій по правдѣ идетъ къ свѣту, дабы явны были дѣла его, потому что они въ Бога содѣланы. (Іоан. III, 20—21).* Святое и свѣтящее слово Божіе не найдетъ себѣ отклика въ развращенномъ сердцѣ.

Премудрость Божія непонятна человѣку плотскому, душевному. *Душевный человекъ не принимаетъ того, что отъ Духа Божія, потому что онъ почитаетъ это безуміемъ, и не можетъ разумѣть, потому что объ этомъ надобно суждать духовно. Но духов-*

ный судить о всемъ, а о немъ судить никто не можетъ. (1 Кор. II, 14—15).

Истина любитъ душу правдивую. Въ *лукавую* душу не войдетъ премудрость и не будетъ обитать въ тѣмъ, поработенномъ грѣху, ибо Святый Духъ премудрости удалится отъ лукавства и уклонится отъ неразумныхъ уметвованій, и устыдится приближающейся неправды (Прем. Солом. I, 4—5). *Если желаешь премудрости, соблюдай заповѣди, и Господь подастъ ее тебѣ (Сирах. I, 26). Птицы слетаются къ подобнымъ себѣ, и истина обращается къ тѣмъ, которые упражняются въ ней (Сирах. XXVII, 9).*

Божественная истина подавляется, по ученію Слова Божія, человѣческой неправдой. (Рим. I, 18). Пути правды и истины не привлекаютъ того, кто ходитъ путемъ лжи и беззаконій. Кто хочетъ сохранить Божественную истину, пребывая въ неправдѣ, тотъ теряетъ ее, ибо за его неправду Богъ, по Апостолу Павлу, предастъ его *превратному уму* (Рим. I, 28). Тотъ же Апостоль упоминаетъ объ еретикахъ, которые, *отвергнувъ совѣсть, потерпѣли кораблекрушеніе въ вѣрѣ* (1 Тим. I, 19). Онъ же предсказывалъ о временахъ, когда здраваго ученія прики-

мать не будутъ, но по своимъ погоямъ будутъ избирать себѣ учителей, которые льстили бы слугу (2 Тим. IV, 3). Языческое идолослуженіе, по нему, есть результатъ нравственной развращенности (Рим. I, 21—32). Поэтому онъ писалъ евреямъ: „смотрите, братія, чтобы не было въ комъ изъ васъ сердца лукаваго и невѣрнаго, дабы вамъ не отступитъ отъ Бога живаго (Евр. III, 12); старайтесь имѣть миръ со всеми и святость, безъ которой никто не увидитъ Господа (Евр. XII, 14).—

Подобное познается подобнымъ. Богъ святъ и совершенъ, и познаніе Его возможно только чрезъ достиженіе святости, чрезъ освобожденіе отъ страстей и порочныхъ склонностей. Богъ есть любовь, и потому открывается только любящему сердцу. Самолюбивое и эгоистическое сердце не пойметъ Бога; слова и дѣйствія любви Божіей постигаются любовью. *Всякій любящій рожденъ отъ Бога, и знаетъ Бога. Кто не любитъ, тотъ не позналъ Бога, потому что Богъ есть любовь (1 Иоан. IV, 7—8).*

Не словомъ только, но и примѣромъ своимъ подтверждаетъ эту истину Іоаннъ Бого-слово. Его возвышенное вѣдѣніе тайнъ Божіихъ есть не только даръ Божій, но и плодъ

его живою и возвышенною любовью къ Богу. *„Исполни сый любви, исполни бысть и бого-словія“*, поеть о немъ Церковь (Стих. на Госп. воззв. въ день св. Іоанна Богослова).

Кто любитъ Бога, тотъ, по слову Господа, исполняетъ Его заповѣди (Іоан. XIV, 15, 21), а исполняющій заповѣди уподобляется Ему. Для любящаго — Богъ не есть что то далекое, непонятное и чуждое. Любящій — въ Богѣ живеть, и Богъ въ немъ пребываетъ. А можно ли не знать внутри насъ пребывающаго? Любящій знаетъ Бога, такъ сказать, непосредственно, потому что переживаетъ въ себѣ Бога, воплощаетъ Его въ своей личности, дѣлается подобнымъ Ему.

Свв. Отцы. Такой именно путь Богопознанія указывали и древніе христіанскіе учителя.

„Многіе изъ людей“, по словамъ *св. Іустина Философа*, *„видятъ Бога, но только тѣ, которые жили праведно и сдѣлались чисты чрезъ справедливость и всякую добродѣтель“*.

Св. Оеофилъ Антіохійскій, обращаясь къ язычнику Автолику, съ цѣлью обратить его къ истинному Богу, говоритъ ему, между прочимъ, слѣдующее: *„Богъ бываетъ видимъ для тѣхъ, которые способны видѣть Его у кого именно открыты очи душевныя*

Всѣ имѣють глаза, но у иныхъ они покрыты мракомъ и не видятъ солнечнаго свѣта. И, хотя слѣпые не видятъ, свѣтъ солнечный всетаки существуетъ и свѣтитъ, а слѣпые пусть жалуются на самихъ себя и на свои глаза. Такъ и у тебя, другъ мой, очи твоей души помрачены грѣхами и злыми дѣлами твоими. *Человѣкъ долженъ имѣть душу, какъ блестящее зеркало. Когда въ зеркаль есть ржавчина, то не можетъ быть видимо въ зеркаль лицо человѣческое: такъ и человекъ, когда въ немъ есть грѣхъ, не можетъ созерцать Бога.*

. Св. Аонасій Александрійскій говоритъ, что „для изслѣдованія и истиннаго уразумѣнія сказаннаго въ Писаніи *потребны хорошая жизнь, чистая душа и хриstopодражательная добродѣтель*, чтобы умъ, преуспѣвъ въ этомъ, былъ въ состояніи достигнуть желасмага, и пріобрѣтать оное, въ какой только мѣрѣ естеству человѣческому возможно познаніе'о Божіемъ Словѣ. Ибо безъ чистаго ума и безъ подражанія жизни святыхъ никто не возможетъ уразумѣть слова святыхъ... Желашему постигнуть мысль ихъ, *должно предочистить и убѣлить душу жизнью*, и уподобленіемъ въ дѣлахъ святымъ приблизиться къ нимъ, чтобы, ведя одинаковій съ

ними образъ жизни, уразумѣвать и откровенное Богомъ“.

„Любомудрствовать о Богѣ“, говоритъ св. *Григорій Богословъ*, „можно не всѣмъ; потому что способны къ этому люди испытавшие себя, которые провели жизнь въ созерцаніи, а прежде всего очистили, по крайней мѣрѣ—очищаютъ, и душу, и тѣло. Для нечистаго же, можетъ быть, небезопасно и прикоснуться къ чистому, какъ для слабаго зрѣнія—къ солнечному лучу.“

У св. *Иоанна Златоуста* читаемъ, что „нечистая жизнь препятствуетъ уразумѣнію высокихъ истинъ, не позволяя разуму проявлять свою мыслительность. Какъ невозможно, чтобы заблуждающійся, но живущій хорошо, навсегда остался въ заблужденіи: такъ, напротивъ, ведущему жизнь порочную не легко возвыситься до разумѣнія нашихъ догматовъ; но должно счиститься отъ всѣхъ страстей каждому, желающему постигнуть истину.“ По словамъ того-же св. отца, „когда жизнь станетъ достойною осужденія, тогда возникаетъ такое же ученіе. И можно видѣть многихъ, которые ниспали отъ этого въ бездну грѣховъ и совратились въ язычество“.

„Совершенство чистоты есть начало Богословія“, — утверждаетъ св. *Иоаннъ Тиверійскій*.

никъ. „Чистота содѣлала ученика своего богословомъ, который самъ собою утвердилъ догматы о Пресвятой Троицѣ“.

„За сохраненіе заповѣдей“,—говоритъ св. *Исаакъ Сиринъ*.—„умъ сподобляется благодати таинственнаго созерцанія и откровенія вѣдѣнія Духа“... „Если зрѣніе ума не будетъ очищено дѣланіемъ заповѣдей, дѣлами безмолвнаго житія, не приобрѣтетъ въ совершенствѣ свѣта любви, не преуспѣетъ возрастомъ въ обновленіи Христовомъ..., то не возможетъ содѣлаться истиннымъ зрителемъ Божественнаго созерцанія. Всѣ же тѣ подобія, какія думаетъ составить себѣ умъ, называются призракомъ, а не дѣйствительностью. И это—что умъ видитъ одно вмѣсто другого—происходитъ оттого, что онъ не очистился“.

„Тѣ даже, кои исполняютъ добродѣтели, прилежать слову Божію, но не освободились отъ страстей“,—продолжаетъ мысль св. *Исаака прен. Макарій Египетскій*,—„тѣ подобны людямъ, *ходящимъ ночью при свѣтѣ звѣздъ*, которыя суть заповѣди Божіи; ибо какъ они еще не совершенно освободились отъ тьмы, то невозможно имъ хорошо *все видѣть*... По многіе ничѣмъ не отличаются отъ тѣхъ, *кои ходятъ среди ночи совершенно безъ свѣта*

и кои не пользуются даже малымъ опымъ сіяніемъ, которое есть Слово Божіе, могущее свѣтити ихъ душамъ, и потому (почти) похожи на слѣпыхъ. *Это суть тѣ, кои совершенно связаны цѣпями вещества и житейскими узамъ“.*

При свѣтѣ приведенныхъ изреченій Слова Божія и сужденій святыхъ христіанскихъ подвижниковъ всякому должно быть понятно, почему вѣка великихъ образцовъ нравственнаго совершенства были въ то же время золотыми вѣками въ исторіи христіанскаго просвѣщенія, вѣками особенно широкаго развитія христіанскаго богословія. Великіе учителя древней Церкви, оставившіе намъ въ своихъ безсмертныхъ произведеніяхъ драгоценныя перлы христіанскаго Боговѣдѣнія, сіяли такою нравственною чистотою и совершенствомъ, какія рѣдко можно встрѣтить въ послѣдующіе вѣка. Нѣкоторые изъ нихъ не учились ни въ какихъ школахъ, не были знакомы съ мірскими науками, но восходили на такую высоту богословскаго созерцанія, какой не достигали люди выдающихся дарованій и обширной учености, но не отличавшіеся чистотою и святостью. Къ нимъ приходили поучаться современные имъ образованные язычники; предъ ихъ твореніями

благоговѣють всѣ истинные любители христіанскаго знанія. Не школа, не наука сдѣлала ихъ великими богословами, а добродѣтельная жизнь, исполненная смиренія и любви къ Богу, свободная отъ мірскихъ страстей и привязанностей. Отсюда урокъ для каждаго: кто хочетъ быть богословомъ, пусть предварительно предуготовитъ себя,—не умъ только развивая, не знанія накопляя,—а усовершенствовавъ всю свою личность по образу Того, о Комъ онъ хочетъ любомудрствовать. Приступающій къ богословствованію съ большою ученостью, но съ развращенною душою и нечистымъ сердцемъ, не уразумѣетъ истины и не научитъ ей другихъ; не убѣжденный самъ — не произведетъ живого убѣжденія и въ другихъ. Думая служить Богу, онъ будетъ кланяться только идоламъ своего сердца. Въ гордомъ сознаніи своего умственнаго величія онъ будетъ только искажать и извращать святыя и возвышенныя Божественныя истины, влагая въ нихъ помышленія своего „превратнаго“, по Апостольскому выраженію, ума и омраченнаго страстями сердца. I. Христосъ говоритъ: кто хочетъ творить волю Божию, тотъ узнастъ, отъ Бога-ли Мое ученіе. Путь религіозно-нравственнаго опыта—путь трудный, требующій нравственнаго подвига и само-

отверженія, но зато доступный всѣмъ и каждому—и единственный, приводящій къ подлинному, существенному Богопознанію.

VI.

Ученіе о томъ же философѣ и богословѣ.

Необходимость нравственной чистоты для Богопознанія — это такая истина, которая ясно сознавалась и высказывалась даже лучшими изъ языческихъ мудрецовъ.

Платонъ, напримѣръ, говоритъ, что только тогда видящій можетъ наслаждаться видомъ вещей вѣчныхъ, если онъ сдѣлается сроднымъ и сходнымъ съ тѣмъ, что онъ видитъ. Никогда глазъ не видалъ бы солнца, если-бы не былъ устроенъ солнцеподобно. Такъ и душа никогда не увидитъ прекраснаго, если она уже не стала прекрасною. Поэтому пусть всякій сдѣлается прежде богоподобнымъ и прекраснымъ, если хочетъ видѣть прекрасное, очиститъ душу отъ страстей, отрѣшится отъ чувственности и всего земнаго („Федонъ“) ¹⁾.

¹⁾ Малиновскій. Православно-догматическое богословіе, ч. I. Харьковъ. 1895 г., стр. 96—97. Примѣчаніе.

По словамъ *Аристотеля*, „всякое заблужденіе, особенно въ вопросахъ религіозныхъ и нравственныхъ, имѣеть основаніе въ свободной волѣ человѣка, въ чемъ мы непосредственно или посредствомъ должны считать себя виновными“ ¹⁾.

Руссо говорилъ: „сынъ мой, сохрани свою душу всегда въ томъ состояніи, которое позволяетъ тебѣ желать, чтобы былъ Богъ, и ты никогда не будешь сомнѣваться въ Его бытіи“ ²⁾.

По мнѣнію *Тихтенберга*, „еще вопросъ, пришелъ ли бы простой разумъ безъ сердца когда-либо къ Богу. Только когда уже познало Его сердце, Его ищетъ и разумъ“.

„Во всѣхъ насъ“, читаемъ мы у выдающагося нѣмецкаго богослова *Лютардта*, „живеть увѣренность въ Богъ; но нужно имѣть желаніе также придавать значеніе этой внутренней увѣренности. Она не есть знаніе изъ доказательствъ, которыя вынуждаютъ разумъ къ согласію, но знаніе изъ внутренняго убѣжденія, къ которому склоняется воля. Вѣра въ Бога не есть наука, а добро-

1) Геттингеръ, ч. I, отд. I, стр. 22.

2) Малиновскій. Православное догматическое богословіе, стр. 96—97. Примѣчаніе.

дѣтель. Ея увѣренность вырастаетъ не изъ рефлексіи, а существуетъ раньше всякой рефлексіи. Не разумъ убѣждаетъ наше сердце, но само наше сердце убѣждаетъ разумъ, подобно тому, какъ въ области нравственныхъ истинъ не доказательства разума убѣждаютъ совѣсть, но совѣсть убѣждаетъ собою разумъ. Увѣренность въ Богѣ живетъ въ нашемъ сердцѣ, и поэтому—также и въ мысляхъ нашего разума“. Вѣдь „Богъ хотѣлъ“, говоритъ *Паскаль*, „чтобы Божественныя истины входили не чрезъ разумъ въ сердце, а чрезъ сердце въ разумъ, а потому человѣческія дѣла должно познавать, чтобы ихъ любить, а Божественныя должно любить, чтобы познавать ихъ“.

„Меня все приводитъ къ убѣжденію“, признается *Гладстонъ*, „что главная причина, содѣйствовавшая возрастанію въ наше время отрицательныхъ ученій—не интеллектуальная, а нравственная, и что ее слѣдуетъ искать въ возрастающемъ преобладаніи матеріальнаго и чувственнаго надъ сверхчувственнымъ и духовнымъ... Понятно, что, при этомъ пораженіи духовныхъ стремленій, къ душѣ легче и удобнѣе приражается все то, чѣмъ подрывается авторитетъ Слова Божія или великихъ христіанскихъ преданій, все то, чѣмъ

въ разныхъ путяхъ отстраняется, ослѣпляется ощущеніе присутствія Божія, заглушаются упреки внутренняго голоса совѣсти. Итакъ, напрасно искать корень зла въ наукѣ, дѣйствительной или мнимой, даже въ заблужденіяхъ и невѣрностяхъ вѣрующихъ людей, на которыя неправо ссылается невѣріе. Иѣтъ, не то: возрастающая въ насъ сила чувственныхъ и мірскихъ влеченій и побужденій,—вотъ что даетъ невидимаго союзника всякому аргументу сомнѣнія и невѣрія, чего-бы онъ въ существѣ ни стоилъ; вотъ что пріобрѣтаетъ массу учениковъ отрицательнымъ ученіямъ. Человѣкъ воображаетъ, что, давая волю сомнѣнію, онъ слѣдуетъ изысканію истины, а въ сущности онъ только мирволитъ низшимъ наклонностямъ своей природы; имъ уже овладѣли онѣ, а онъ еще усиливаетъ ихъ, допуская новыхъ имъ союзниковъ безъ всякой повѣрки титула ихъ и права. Идеи, въ основаніи своемъ слабыя, подталкиваются наклонностью, которая непремѣнно сильна. Въ душѣ зачинается будто тайный заговоръ, и выѣзжаютъ въ ней на бой два витязя, одинъ—съ открытымъ лицомъ, а другой—съ опущеннымъ забраломъ“. „Итакъ, по моему мнѣнію“, заключаетъ *Гладстонъ*, „несомнѣнно, что главною причиною, почему скептицизмъ въ

наше время получили такое распространение и такую силу, служить чрезвычайное развитие мірскихъ силъ и побужденій внутри насъ и въ средѣ нашей“ 1).

„Вѣра въ Бога“, пишетъ Жюль Пено 2), „основывается прежде всего на чувствѣ глубокаго ничтожества нашего личнаго существованія, столь кратковременнаго и тѣмъ не менѣе тревожимаго болѣзною и горемъ; на глубокомъ, свойственномъ религіозному человѣку, чувствѣ ничтожества физическихъ наслажденій и глупости личнаго эгоизма; на *смиреніи*, которое внушаютъ человѣку безсиліе разума проникнуть тайну нашего назначенія, паденіе съ трескомъ самыхъ возвышенныхъ метафизическихъ системъ и живое чувство непроницаемой тайны, которая окружаетъ и окутываетъ насъ со всѣхъ сторонъ... Наконецъ, вѣра основывается также на потребности высшаго правосудія, — потребности очень глубокой въ справедливыхъ душахъ, которыхъ жестоко оскорбляетъ зрѣлище торжествующей злобы. Она подсказывается желаніемъ утѣшенія для скорбящихъ, на-

1) „Московскій Сборникъ“, 1897 г., стр. 297, 302, 303.

2) „О вѣрованіи“, 1879 г., стр. 143.

деждой на свѣтлое будущее, на избавленіе отъ печалей здѣшней жизни, которая не представляетъ никакихъ шансовъ на улучшеніе для больныхъ и слабыхъ“.

„Религіозныя убѣжденія“, читаемъ мы у русскаго философа *Г. И. Кудрявцева-Платонова*, „не такъ независимы отъ жизни и нравственнаго состоянія человѣка, какъ часто думаютъ; это не то, что мнѣнія о различныхъ предметахъ науки, различіе которыхъ про-неходитъ отъ различнаго настроенія и силы ума, отъ разнообразія основаній и фактовъ, какіе имѣетъ предъ собою разсудокъ. На-противъ, опытъ показываетъ, что въ религійи человѣкъ часто вѣритъ тому, чему хочетъ вѣровать по свойствамъ своей нравственной природы, и соображаетъ свои убѣжденія съ характеромъ своей жизни. Сила вліянія нрав-ственныхъ качествъ человѣка, потребностей его сердца, его склонностей, добрыхъ или худыхъ, на образъ его мыслей не можетъ укрыться отъ каждаго опытнаго наблюдателя человѣческой природы. Если-бы люди, гово-рять Мальбраншъ, имѣли какой-нибудь инте-ресъ въ томъ, чтобы стороны равныхъ тре-угольниковъ не были равны, и если-бы ложная геометрія была столь же удобна для ихъ порочныхъ наклонностей, какъ ложная рели-

гнѣ или ложная мораль, то они легко стали бы дѣлать столь же нелѣпыя паралогизмы и въ области математики, какъ и въ дѣлѣ нравственности, потому что ихъ заблужденія были бы имъ пріятны, а истина только ихъ затрудняла бы и сердила.

Дѣйствительно, печальный опытъ показываетъ, что очень рѣдко превратныя нравственныя и религіозныя понятія происходили отъ заблужденій одного ума, безъ участія воли и сердца; но, по большей части, они основывались на превратныхъ стремленіяхъ испорченной воли и поддерживались ею. Здѣсь, главнымъ образомъ, а не въ ложныхъ теоретическихъ мнѣніяхъ источникъ невѣрія... Уже давно замѣчено, что не вѣруеть въ Бога тотъ, кому выгодно, чтобы Богъ не существовалъ. Въ испорченности нравовъ во все времена коренились зародыши и тѣхъ теорій, которыя проповѣдывали чувственность и эгоизмъ, какъ начала нравственной жизни. Испорченностью нравовъ объясняется и то, повидимому, странное явленіе, что многія религіозныя заблужденія и суевѣрія, несмотря на свою очевидную слабость предъ судомъ разума, держались долгое время въ умахъ и сердцахъ людей. Если языческая религія, нелѣпость которой сознавали ясно и лучшіе

умы языческаго міра, держалась долго и упорно, несмотря на явленіе христіанства,— то въ чемъ искать главнымъ образомъ причины этого явленія, какъ не въ томъ, что сея ученіе льстило чувственности людей развращеннаго въ то время языческаго міра и согласовалось съ ихъ нравственною настроенностью?“ 1).

VII.

Атеизмъ и всѣ религіозныя заблужденія имѣютъ свои корни преимущественно въ сердцѣ человѣка.

Увѣровать въ Бога не то, что признать безразличную для нравственной жизни математическую, или естественно-научную, или историческую истину. Увѣровать въ Бога значитъ произнести рѣшительный приговоръ надъ собою, произвести переломъ въ своемъ міровоззрѣніи, въ своей жизни, взглядахъ, склонностяхъ, симпатіяхъ и антипатіяхъ. Богъ не есть только предметъ для познанія ума, но конечная цѣль живого всесторонняго стремленія нашего духа. }

1) Кудрявцевъ-Платоновъ, т. II, вып. 2, стр. 93—94.

Почему отрицають бытіе Бога? Не въ силу какихъ-либо серьезныхъ логическихъ доводовъ, — атеизмъ не приводитъ и не можетъ привести никакихъ положительныхъ доказательствъ небытія Бога, ибо небытія Бога по самому существу дѣла доказать нельзя, — а потому, что не чувствуютъ внутри своего духа живой потребности въ Богѣ, не хотятъ признавать никакого высшаго авторитета, обязывающаго къ смиренію и послушанію, предписывающаго нормы жизни, несогласныя съ требованіями и склонностями испорченнои природы. Атеизмъ не есть необходимость мысли, а дѣло развращеннаго такъ или иначе ¹⁾ сердца и

1) Слѣдуетъ замѣтить, что развращеніе это можетъ быть многообразно, какъ по содержанію и побужденіямъ, такъ и по формамъ проявленія, — отъ грубо-чувственныхъ до утонченно-духовныхъ. Если страсти *чувственныя* стоятъ между человѣкомъ и Богомъ, то не менѣе отдѣляютъ человѣка отъ Бога и страсти *духовныя*, скрывающіяся часто подъ очень благовидною формою. Таково, напри- мѣръ, тщеславіе, вырастающее на почвѣ ревностнаго служенія наукѣ, или искусству, или гражданскому и общественному долгу. И столь тонки и благообразны бываютъ проявленія этого рода тщеславія, что нравственнаго изъяна, лежащаго въ ихъ корнѣ, не замѣчаютъ ни живущіе этою страстью, ни окружающіе ихъ. „Какъ вы можете вѣровать, когда другъ отъ друга принимаете славу,

дурной воли. Истина бытія Божія болѣе, чѣмъ всякая другая истина, имѣетъ опредѣляющее вліяніе на нашу нравственность. Естественно, что у людей, для которыхъ нравственный законъ служитъ тяжелымъ бременемъ, сдерживающимъ ихъ страсти и грѣховныя влеченія, легко возникаетъ тайное желаніе отстранить и удалить изъ нравственного сознанія эту высочайшую истину, служащую основаніемъ обязательности нравственного закона; а подстрекаемый тайнымъ желаніемъ и личнымъ интересомъ разсудокъ всегда готовъ оправдать заблужденіе сердца и воли¹⁾. Сердце и воля могутъ помрачить самый ясный разсудокъ и возмутить самый свѣтлый умъ. Никакія логическія доказательства не убѣдятъ невѣрующаго въ бытіи Бога, если эта истина стоитъ въ противорѣчій съ его чувствами и склонностями. Онъ можетъ логически принять эти доказательства—и всетаки не вѣровать. Переменная убѣжденій слѣдуетъ обыкновенно за измѣненіемъ чувствъ и желаній.

а славы, которая отъ Единаго Бога, не ищите?“ (Іоан. 5, 44.) — Только живая религіозная вѣра, привлекающая благодатный свѣтъ, открываетъ очи на тайники челоуѣческой души и заставляетъ звать: „Господи, отъ тайныхъ моихъ очисти мя!“

¹⁾ Сочиненія В. Д. Кудрявцева, т. 2, вып. 3-й стр. 147.

другой—отвѣтъ, съ одной—исканіе, съ дру-
 гой—удовлетвореніе, это сближеніе съ Богомъ
 сдѣлаетъ рѣшительно невозможнымъ всякое
 сомнѣніе въ бытіи Его. Какъ чувственный
 человѣкъ не можетъ сомнѣваться въ бытіи
 воздуха, который онъ безпрестанно вдыхаетъ
 и выдыхаетъ: такъ и духовный человѣкъ не
 можетъ усомниться въ бытіи Бога, когда изъ
 Него почерпаетъ жизнь свою. Чрезъ непре-
 станное возвышеніе къ Богу и оживленіе
 Имъ, человѣкъ получаетъ столько свѣта,
 жизни, твердости во всѣхъ своихъ поступ-
 кахъ, столько господства надъ собою, что
 онъ осязательно чувствуетъ бытіе Подателя
 этихъ благъ. Мое собственное бытіе уничто-
 жается, если отнять у меня вѣру въ Бога.
 Далѣе, кто непрестанно съ возрастающею
 ясностью и вѣрнѣе слѣдуетъ святому закону,
 тотъ часъ отъ часу становится въ духѣ своемъ
 прямѣе, чистосердечнѣе, сильнѣе въ противо-
 дѣйствіи всѣмъ обольщеніямъ зла; онъ, со дня
 на день, болѣе и болѣе приучается ощущать
 покой и миръ въ непреходящемъ Богѣ, т. е.
 часъ отъ часу не только дѣлается лучше въ
 нравственныхъ своихъ дѣйствіяхъ, онъ еще
 на землѣ предвкушаетъ вѣчную жизнь. Какъ
 же усомниться ему, что есть вѣчная жизнь и
 Владыка сей жизни? Вѣчная жизнь имѣетъ

свое основаніе только въ Богѣ. Итакъ, кто во временной жизни раскрываетъ въ себѣ начатки жизни вѣчной, тотъ имѣетъ въ нихъ залогъ внутренняго увѣренія въ бытіи Совершителя вѣчной жизни¹⁾.

¹⁾ Протоіерей Ѳ. Голубинскій: „Лекціи по умозрительному богословію“.

О Г Л А В Л Е Н І Е.

	<i>Стр.</i>
I. Умъ безсиленъ самъ по себѣ прійти къ истинѣ и познать Бога.	5
II. Зависимость ума отъ чувства и воли.	11
III. Пониманіе дается любовью.	25
IV. Необходимость нравственно-добраго настроенія для вѣры въ Бога.	30
V. Ученіе Св. Писанія и свв. Отцевъ о нравственныхъ условіяхъ Богопознанія.	35
VI. Ученіе о томъ же философвъ и богослововъ.	45
VII. Атеизмъ и всѣ религіозныя заблужденія имѣютъ свои корни преимущественно въ сердцѣ чловѣка.	52

Въ основу этого выпуска положены: статья И. Невзорова „Нравственныя условія религіознаго знанія“ („Вѣра и Разумъ“, 1902 г. № 6, стр. 330—366) и книга проф. П. Свѣтлова „Источники ходячаго мнѣнія о вѣрѣ, какъ противоположности разума“ (Спб. 1896 г.).—Другія пособія указаны въ своемъ мѣстѣ.

„Религіозно-філософская бібліотека“.

1. Выпуски „Религіозно-філософской бібліотеки“:

Выпускъ I-й: **„Забытый путь опытнаго Богопознанія“**. М. Новоселовъ. Изд. 2-е. Цѣна 25 коп.

Выпускъ II-й: **„Исканіе Бога“**. Сборникъ. Ог. Николая, Гр. М. М. Сперанскій, еп. Ігнатій Брянчаниновъ и др. Изд. 2-е. Цѣна 25 коп.

Выпускъ III-й: **„Вѣчная жизнь, какъ высшее благо“**. Архіеп. Сергій. Изд. 2-е. Цѣна 30 коп.

Выпускъ IV-й: **„Соціальное значеніе религіозной личности“**. Сборникъ. Влад. Соловьевъ, Гербертъ Спенсеръ, Достоевскій, Герценъ, Тихомировъ. Цѣна 50 коп.

Выпускъ V-й: **„Личность, общество и церковь“**. Т. Тихомировъ. Цѣна 30 коп.

Выпускъ VI-й: **„Молитва Господня“** въ изъясненіи Влад. Соловьева и М. Московскаго Филарета. (Вмѣсто распроданнаго прежняго 6-го выпуска „Изъ разговоровъ о войнѣ“, который вышелъ теперь „изданіемъ“). Цѣна 20 коп.

Выпускъ VII-й: **„Значеніе свободнаго слова для личности, общества и церкви“**. Сборникъ. А. С. Хомяковъ, К. и П. Аксаковы Влад. Соловьевъ. Цѣна 20 коп.

Выпускъ VIII-й: **„О цѣли образованія“**. Сборникъ. Н. П. Пуроговъ, Л. Толстой, проф. В. Несмѣловъ, К. Ушинскій, Амосъ Коленекскій. Цѣна 30 коп.

Выпускъ IX-й: **„Альтруизмъ и христіанская любовь“**. Т. Тихомировъ. Цѣна 15 коп.

Выпускъ X-й: **„Религія и нравственность“**. Сборникъ. Л. Толстой, проф. Кудрявцевъ-Платоновъ, проф. Гусевъ и др. Цѣна 30 коп.

Выпускъ XI-й: **„Нравственный смыслъ основныхъ христіанскихъ догматовъ“**. Архіеп. Антоній (Храповицкій). Цѣна 25 коп.

Выпускъ XII-й: **„Что такое Библія“**. Цѣна 25 коп.

Выпускъ XIII-й: **„Какъ читать Библію“**. Цѣна 35 коп.

Выпускъ XIV-й: **„Смыслъ міровой исторіи“**. Влад. Соловьевъ. Цѣна 15 коп.

Выпускъ XV-й: „*О самопознаніи*“. Джонъ Месонъ. Проф. В. Картовъ. Цѣна 20 коп.

Выпускъ XVI-й: „*Первоначальная Христіанская Церковь въ Іерусалимѣ*“. Оскаръ Самаринъ. Цѣна 25 коп.

Выпускъ XVII-й: „*О Церкви*“. Ог. Николая. Цѣна 30 коп.

Выпускъ XVIII-й: „*О благодати и таинствахъ*“. Огюстъ Николая. Цѣна 20 коп.

Выпускъ XIX-й: „*Церковь*“. Влад. Соловьевъ. „*Нравственная идея догмата церкви*“. Архіепископъ Антоній. Цѣна 25 коп.

Выпускъ XX-й: „*О смыслѣ жизни*“. Часть первая: а) „*Эвдемонизмъ, утилитаризмъ и стоицизмъ, какъ принципы жизни*“; б) „*Логическая связь вѣры въ смыслъ жизни съ вѣрой въ безсмертіе*“. Цѣна 30 коп.

Выпускъ XXI-й: „*О смыслѣ жизни*“. Часть вторая: „*Христіанское мірооззрѣніе*“. Сборникъ. Проф. А. Иванцовъ-Платоновъ, проф. В. П. Несмиловъ, еп. Осифанъ-затворникъ, преп. Серафимъ Сарвскій. Цѣна 30 коп.

Выпускъ XXII-й: „*О значеніи христіанскаго подвижничества въ прошломъ и въ настоящемъ*“. Часть первая. Влад. Кожевниковъ. Цѣна 35 коп.

Выпускъ XXIII-й: „*О значеніи христіанскаго подвижничества въ прошломъ и въ настоящемъ*“. Часть вторая. Его-же. Цѣна 35 коп.

Выпускъ XXIV-й: „*Церковь. Ея свойства и благодатная жизнь*“. (По А. С. Хомякову). Цѣна 35 коп.

Выпускъ XXV-й: „*Смыслъ страданій*“. Сборникъ. Цѣна 30 коп.

2. Издакія „Религіозно-философской Библіотеки“:

I. О возрожденіи Русской церкви. Сборникъ: А. А. Папковъ, Н. А. Заолерскій, А. М. Иванцовъ-Платоновъ, Еп. Порфирій Успенскій, Н. П. Аксаковъ, А. П. Лебедевъ, Д. Симицкій, М. Новоселовъ. Цѣна 50 коп.

II. Высшее церковное управленіе въ Россіи. Сборникъ: Влад. Соловьевъ, П. С. Аксаковъ, Г. А. Тихомировъ, А. М. Иванцовъ-Платоновъ. Цѣна 40 коп.

III. Собраніе академическихъ лекцій и статей по пастырскому богословію. Архіепископъ Антоній (Храповицкій). Цѣна 80 коп.

IV. Отношеніе социализма къ религіи вообще и къ христіанству въ частности. Влад. Кожевниковъ. Изд. 2-е. Цѣна 40 коп.

V. Общественное значеніе монастырей. Прис. Пов. Н. Д. Кузнецовъ. Цѣна 25 коп.

VI. Ф. М. Достоевскій, какъ проповѣдникъ христіанскаго возрожденія и вселенскаго православія. Цѣна 40 коп.

VII. О добросовѣстности въ вѣрѣ и въ невѣрїи (къ учащейся молодежи). Влад. Кожевниковъ. Цѣна 15 коп.

VIII. Открытое письмо къ гр. Л. Толстому. *М. Новоселовъ*. Изд. с. Цѣна 10 коп.

IX. Константинопольская церковь. Очеркъ основныхъ началъ строя въ XIX вѣкѣ. *П. Мансуровъ*. Цѣна 1 руб.

X. Суды чести среди учителей. *М. Новоселовъ*. Цѣна 10 коп.

XI. Вселенская Христова Церковь и „Всемирный христіанскій студенческій союзъ“. *Его-же*. Цѣна 10 коп.

XII. „Изъ разговоровъ о войнѣ“ *М. Новоселовъ*. Цѣна 10 коп.

XIII. „Исповѣдь атеиста“. *Влад. Кожевниковъ*. Цѣна 20 коп.

XIV. „Религіозно-философскіе вечера“. Цѣна 70 коп.

Продаются въ книжныхъ магазинахъ: *Тузова, Суворина, Карснникова, Голубева* („Правовѣдніе“) и др.

Выписывающіе непосредственно отъ *М. А. Новоселова* (Москва, оулъ храма Христа Спасителя, домъ Ковригиной, кв. 12) на умму *меньше* одного рубля могутъ высылать почтовыми марками, *не меньше* 3-хъ руб.—не платя за пересылку. При выпискѣ а меньшую сумму слѣдуетъ прилагать на пересылку приблизительно 20 коп. на каждый рубль. Можно *налож. платежомъ*.

3. Листки „Религіозно-философской Библіотеки“:

I. „Сѣмена царствія Божіа“:

„Новая жизнь, принесенная душѣ человѣческой Богочеловѣкомъ и въ день Пятидесятницы засѣмененная въ нѣдрахъ ной Христовой Церкви Духомъ Святымъ, жизнь, водворяющая , человѣкѣ царствіе Божіе, доселѣ хранится и до скончанія ка будетъ сохраняться въ Церкви благодатию живущаго въ ей Духа. Восприимаемая вѣрою и благочестіемъ святыхъ лишниковъ Христовыхъ, эта жизнь Духа Божія, составляющая шественное содержаніе Христова благовѣстія, преемственно редается въ Церкви изъ поколѣнія въ поколѣніе. Запечатлѣнная въ Словѣ Божіемъ, она всесторонне раскрывается въ пишіяхъ духоносныхъ Отцовъ. Ихъ священполюшныя творенія дляются многовѣковымъ плодомъ многообразнаго, но по суетству единаго, духовнаго опыта, который на всемъ протяжеи земной жизни Церкви представляетъ собою живое опраданіе истины Евангельскаго благовѣстія.

Воцареніе Бога въ душѣ человѣка, и чрезъ то—обоженіе ровѣка, раскрытіе существенныхъ сторонъ проповѣданнаго ристомъ Спасителемъ Царствія Божія, указаніе истиннаго сти въ это царство Духа Святаго, обрѣтаемое нищущими лько въ единой, святой, соборной и Апостольской Церкви,

указаніе уклоненій съ этого подлиннаго пути вѣчной жизни какъ въ сторону мертваго обрядовѣрія, такъ и въ области сектантской лжедуховности — вотъ существенное содержаніе „*Слѣмянъ царствія Божія*“, заимствуемыхъ изъ неисчерпаемой духовной сокровищницы Церкви“.

1) Душа первозданнаго человѣка. *Преп. Макарія Египетскаго.*

2) а) Паденіе души; б) Путь возрожденія души. *Его-же.*

3) Вѣра и дѣла. *Преп. Симеона, Новаго Богослова.*

4) Вѣра и покаяніе. *Преп. Исаака Сирина.*

5) Вѣдѣніе и вѣра. *Его-же.*

6) Воскресеніе Христово въ насъ. *Преп. Симеона, Новаго Богослова.*

7) Царствіе Божіе. *Преп. Иоанна Кассіана и св. Симеона Новаго Богослова.*

8) Цѣль христіанской жизни. *Преп. Серафима.*

9) а) Источникъ зла; б) Причины зла въ человѣкѣ; в) Три основныхъ вида зла. *Св. Максима Исповѣдника.* — Добро, зло и среднее между ними. *Преп. Иоанна Кассіана.*

10) Происхожденіе и сущность грѣха. *Преп. Макарія Египетскаго.*

11) Царство грѣха. *Его-же.*

12) Развитіе и степени грѣха. *Преп. Филовея Синайскаго.* — Помыслы и страсти. *Св. Ефрема Сирина.*

13) Главныя страсти. *Св. Иоанна Кассіана.*

14) Что такое міръ. *Преп. аввы Исаи.* — *Св. Исаака Сирина.* — *Блаж. Діадоха.*

15) Объ отреченіи отъ міра. *Св. Иоанна Кассіана.* — *Св. Симеона, Новаго Богослова.* — *Преп. аввы Исаи.*

16) О чревоугодіи. *Преп. Иоанна Кассіана* — *Преп. Иоанна Лѣтвичника.*

17) О блудной страсти. *Преп. Иоанна Кассіана.* — *Преп. Иоанна Лѣтвичника.*

18) О сребролюбіи. *Преп. Нила Синайскаго.*

19) О гнѣвѣ. *Преп. Иоанна Кассіана.* — *Преп. Иоанна Лѣтвичника.*

20) О печали. *Преп. Иоанна Кассіана.* — *Преп. Ефрема Сирина.*

21) Объ уныніи. *Преп. Иоанна Кассіана.* — *Преп. Ефрема Сирина.* — *Преп. Иоанна Лѣтвичника.*

22) О тщеславіи. *Преп. Иоанна Кассіана.*

23) О гордости. *Преп. Иоанна Кассіана.* — *Преп. Аввы Дородея* — *Преп. Ефрема Сирина.* — *Преп. Иоанна Лѣтвичника.*